

ДМИТРИЙ ДЬЯКОВ

ПЕРСОНА ГРАТА

В голодном, лишенном быта и тепла сорок седьмом году ректор ВГУ Н. П. Латышев, дабы хоть как-то отвлечь студентов и преподавателей от постоянной борьбы за выживание, один за другим штамповал административные приказы. В одном из них, от 28 марта 1947 года, читаем:

«§ 1. Несмотря на неоднократные мои распоряжения о запрещении пользования в общежитиях ВГУ электроплитами, студенты истфака Торопцев, Трофимов, Удодов (комната № 71), Беляев (комната № 72), проживающие в общежитии № 2, продолжают пользоваться таковыми.

Приказываю:

Студентам истфака: Торопцеву, Трофимову, Удодову и Беляеву за пользование электроплитой объявить выговор с последним предупреждением»...

Невольно подумалось: включи тогда четверо названных студентов-фронтовиков ту несчастную электроплитку еще раз, – выгнал бы их ректор из университета. И лишилась бы страна двух профессоров и заслуженного учителя РСФСР – знаменитого директора районной средней школы, обитавших в ту пору в комнате № 71, а также чрезвычайного и полномочного посла, ютившегося в студенческие годы по соседству с ними – в комнате № 72...

АТЫ-БАТЫ

Будущий дипломат Владимир Георгиевич Беляев родился 5 августа 1925 года в селе Краснополье Репьевской волости Острогожского уезда Воронежской губернии в семье красного командира. Его отец, Георгий Сергеевич, лихой взводный 3-го кавполка отдельной Таманской кавбригады, был в 1923 году отмечен высшей боевой наградой моло-

дой советской республики – орденом Красного Знамени. До 1932 года отец почти постоянно находился в войсках, занимая различные командные должности, потом вышел в отставку, поселился в Репьевке и перевез сюда семью. В том же году его сын Владимир начал учиться в местной средней школе.

В 1938 году, когда к исходу «большого террора» почти весь командный состав Красной армии был истреблен сталинскими чекистами, Георгия Сергеевича вновь призвали в ряды РККА. Он был направлен военным комиссаром Воронцовского района Воронежской области. Вслед за ним туда перебралась и его семья, так что десятилетку Владимир окончил уже в Воронцовке.

Свой школьный аттестат, где были только отличные оценки, Владимир Беляев получил в июне 1942 года. А в начале июля вражеские войска оккупировали половину Воронежской области, и семья Беляевых была вынуждена перебраться в Верхне-Карачанский район. Там вчерашний школьник стал работать кузнецом – с этой профессии и начался его трудовой стаж.

В январе 1943-го его призвали в армию. Полугодичный ускоренный курс в Моршанском минометно-пулеметном училище и – на фронт. Там младший лейтенант Владимир Беляев почти сразу стал командиром минометного взвода 243-го гвардейского полка 84-й гвардейской дивизии 11-й гвардейской армии.

Первая боевая задача: контрнаступление советских войск на Орловском направлении Курской дуги, в котором самое непосредственное участие принял и полк Беляева. В тех боях ему везло: пуля обходила стороной. Ранило его в конце августа в сражении за город Карачев. Немецкая артиллерия стала обстреливать позиции наших минометчиков,

в азарте Беляев выпрыгнул из окопа, и осколок от разорвавшегося снаряда угодил ему в ногу.

Из дивизионного медсанбата в родной полк он сбежал уже через две недели.

Потом был бой за поселок Хотынец, что в Орловской области. То сражение Владимир Георгиевич вспоминал до конца жизни как одно из самых сильных впечатлений о войне.

Взвод Беляева получил приказ поддержать огнем пехоту. Когда вышли к северной окраине поселка, выяснилось, что использовать минометы нельзя: улочки узкие, поэтому наши пехотинцы подошли слишком близко к противнику. Поступил приказ: оставить минометы и идти в наступление вместе со всеми.

К одному из домов, где засели немцы, Беляев прорвался со своим другом и земляком Алексеем Коровянским. Наступали плечом к плечу, но внезапно Алексей упал. Беляев вытащил из-под огня раненого в живот товарища и передал санитарам...

Хотынец освободили во второй половине дня. Пропахшие порохом бойцы собрались у колодца. Немцы перед отступлением могли отравить в нем воду, но жажда была сильнее страха. Наполнив фляги, взвод Беляева двинулся через болотистую местность к шоссе. Вдруг раздался окрик: «Стой!» Минометчики замерли, осмотрелись и ужаснулись – они вышли на минное поле. Последовала команда ротного «Кругом!», и солдаты след в след двинулись обратно к колодцу. Когда уже почти дошли до него, раздался оглушительный взрыв. Стоявших у источника солдат разметало в разные стороны...

Позже выяснилось, что немцы перед отступлением заложили в колодец взрывчатку. Когда уровень воды понизился, ведро ударило по взрывателю...

Вечером Владимир Георгиевич узнал, что его друг Коровянский умер по пути в госпиталь. Так только за один день смерть трижды прошла мимо Беляева.

А ближе всего подошла она к нему в феврале 1944 года под Витебском.

Шло наступление наших войск, в ходе которого батальон, куда входил и взвод Беляева, значительно оторвался от соседних частей. Бойцы решили атаковать противника под огнем немцев и без поддержки артиллерии. Сохранился рассказ Владимира Георгиевича о том, роковом для него бое.

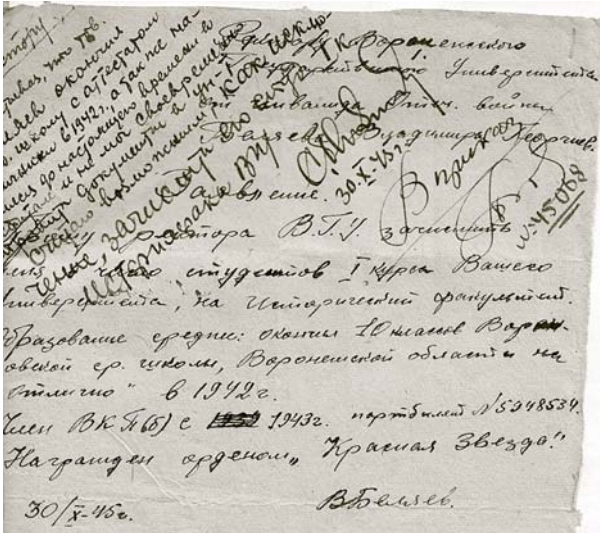
«Местность была холмистая и болотистая, – вспоминал ветеран, – впереди – противник, слева и справа – тоже; где немцы, а где наши – толком не разберешь. Отовсюду огонь. Мы, человек двенадцать, скатились в какой-то котлован – видимо, это была воронка от крупной бомбы. С нами был один

расчет с “максимом”. Нам не давал поднять голову из этого укрытия огонь с холма метрах в шестистах. Мой пулеметчик говорит: “Бьет фашист прицельно и большими очередями”. Я чуть приподнял голову и снова увидел, как с соседнего холма впереди с короткими перерывами бьет пулемет, вспышки от выстрелов сливаются в одно пламя. Видим, как падают наши солдаты. “Ставьте прицел на 600 метров и поднимайте пулемет с коробкой на край котлована”, – говорю бойцам. Пулеметчики выкатили “максим” на бровку, подготовили рядом магазин с лентой. Я лег на пологий склон котлована, навел прицел и дал длинную очередь. Огонь с холма прекратился. “Точно цель накрыли”, – доложил пулеметчик, наблюдавший за стрельбой слева от меня. Только он вымолвил эти слова, как вижу, что пулемет съезжает вниз прямо на меня, и я не могу его остановить – руки не держат. Солдаты придержали пулемет и стащили меня вниз, на дно котлована. Затем туда же – пулеметчика, который не шевелился, и его помощника с раздробленной головой. Лежу на дне котлована, а из рукавов течет кровь. Солдаты разрезали рукава шинели, телогрейки, белья и забинтовали руки. Руки я вижу, но не чувствую их. “Немцы били по нашему пулемету с холмов справа и слева, – объясняет солдат. – Слава Богу, остался жив, а твоим помощникам – Царство небесное”. Так пролежал я в яме, пока не отбили немцев».

Потом было долгое лечение в госпиталях. Правая рука через месяц-два начала понемногу работать, а левая – висела плетью: сустав раздроблен, перебиты нерв и кровеносные сосуды. В конце концов хирург, лечивший Беляева, дал команду: готовить больного к ампутации руки. Владимир Георгиевич уперся: калечить себя не дам! В операционной, куда его привезли, стал бушевать: опрокинул поднос с хирургическими инструментами, чего-то там разбил... Хирург стал кричать, что снимает с себя всякую ответственность за состояние раненой руки и возможные последствия. В тот же день Беляева из этого госпиталя перевезли в Москву, в Марьину Рощу, а потом – в Самарканд. Руку сохранили, но лечил ее Владимир Георгиевич долго: лишь годы спустя нерв сросся, пальцы и кисть начали понемногу шевелиться...

В июле 1944 года Беляева признали негодным к военной службе и как инвалида II группы уволили из действующей армии. Отец его в ту пору был военкомом Буденновского района Воронежской области, туда после госпиталя прибыл и сын. Поначалу он устроился военруком в местную школу, а в конце октября 1945-го, уже после всех вступительных эк-

В ЛИДЕРАХ

Заявление В. Г. Беляева с просьбой о зачислении на истфилфак ВГУ

заменов, неожиданно написал ректору ВГУ: «Прошу зачислить меня в число студентов 1-го курса Вашего Университета на исторический факультет...»

Это его обращение поддержал декан историко-филологического факультета ВГУ Сергей Нестерович Бенклиев: «Учитывая, что тов. Беляев окончил среднюю школу с аттестатом отличника в 1942 году, а также находился до настоящего времени в госпитале и не мог своевременно отправить документы в университет, считаю возможным, как исключение, зачислить его студентом 1-го курса истфилфака ВГУ».

Так Владимир Беляев стал студентом Воронежского университета.

Эпизод с едва не случившимся отчислением из ВГУ за пользование электроплиткой в общежитии, о котором было рассказано в самом начале, совершенно не характерен для Беляева-студента.

На самом деле в университетских стенах Владимир Георгиевич считался не только молодежным лидером, но и своего рода эталоном для подражания.

Он блестяще учился (получил диплом с отличием), был звездой научного студенческого кружка по истории СССР (его доклады неоднократно звучали на общегородских интеллектуальных мероприятиях), едва ли не лучше всех на курсе проводил педагогическую практику в школе. Но главное – при всем при этом он как-то ухитрялся выполнять огромную общественную работу.

В студенческие годы Владимир Беляев был избран председателем профкома университета (он представлял ВГУ на III Всероссийском съезде профсоюзов работников Высшей школы и научных учреждений), оставаясь при этом секретарем комсомольского бюро историко-филологического факультета, членом партбюро ВГУ.

Профессор ВГУ Ю. Т. Листрова-Правда, учившаяся на истфилфаке университета в те годы, на страницах «Университетской площади» (№ 3, 2010) вспоминала: «Несмотря на то, что к концу 40-х годов страна переживала материальные трудности, общественная жизнь на истфилфаке кипела и бурлила. Лидеры довольно сильной комсомольской организации Рита Симонович и Володя Беляев пользовались большим авторитетом у комсомольцев, направляли работу комсоров групп. На факультетских комсомольских собраниях горячо обсуждались доклады

Зачётная книжка студента ВГУ В. Г. Беляева

Владимир Беляев – выпускник ВГУ

“Моральный облик молодого человека“, “Если не я, то кто же“ и др., где непосредственно на основе конкретных фактов из жизни студентов нашего истфилфака рассматривались вопросы, касающиеся совести, порядочности, скромности и других качеств молодого советского человека, каким мы тогда его представляли».

В 1950 году ректор ВГУ Н. П. Латышев в выпускной характеристике на нашего героя отмечал: «Как коммунист и комсомольский работник тов. Беляев пользуется заслуженным авторитетом среди студентов. Может служить образцом для молодежи как чуткий, отзывчивый товарищ, хороший организатор. Имеет большое желание учиться и может быть рекомендован в аспирантуру».

В том же году Владимир Беляев поступил в аспирантуру родного университета. Однако учиться ему там пришлось недолго.

1 апреля 1951 года на факультет позвонил заведующий отделом кадров обкома партии И. С. Смирнов (его жена в ту пору училась на историческом отделении истфилфака) и попросил пригласить к телефону аспиранта Беляева. Когда тот взял трубку, то услышал, что принято решение о направлении его на дипломатическую службу.

Беляев хмыкнул и положил трубку: было 1 апреля, и он расценил этот звонок как розыгрыш. Однако на следующий день Владимира Георгиевича вызвал ректор и ознакомил с подписанным уже приказом об отчислении того из аспирантуры ВГУ в связи с переводом на учебу в Высшую дипломатическую школу МИД СССР, куда ему надлежит отбыть уже сегодня.

ГОСПОДИН ПОСОЛ

Сразу после дипломатической школы, в 1955-м, Беляева послали в Пакистан. В 1960-е он был первым секретарем посольства в Австралии, а в 1971 году его назначили советником посла в Республике Кипр.

Через три года там произошел госпереворот. На улицах столицы Никосии появились танки. Москва потребовала от своих дипломатов полной информации о произошедшем. Первым секретарем посольства тогда был Марат Хаткевич. Вместе с Беляевым он сел в служебную машину и поехал в МИД Кипра. На главной улице столицы машина была обстреляна. В последнюю секунду Беляев успел повалить на сидение секретаря посольства и закрыть его телом. Однако пули пробили лобовое стекло, осколок которого поранил Хаткевичу руку.

Беляев вытащил раненого товарища из салона и крикнул стоящему неподалеку офицеру с автоматом, что они – советские дипломаты. Им разрешили уйти. А через несколько часов мятежники окружили советское посольство бронетранспортерами. Блокада длилась три дня...

В конце 1970-х Владимира Георгиевича направили работать в Пакистан. 25 декабря 1979 года советские войска вошли в Афганистан, и для СССР началась десятилетняя Афганская война.

В день ввода советских войск население пакистанской столицы Исламабад стало собираться у советского посольства. После гневных речей пакистанцы начали выстраиваться в колонны и готовиться к штурму. Стало ясно: погрома в советском посольстве не избежать. Тогда Беляев обратился к местным властям с просьбой обеспечить территорию посольства охраной. Ему ответили отказом. В ответ советский дипломат сделал резкое заявление: «Если вы не примете меры, мы попросим советское правительство защитить нас». Руководство Пакистана, памятуя о том, что советские войска находятся в соседнем Афганистане, тут же поставили у посольства тройное кольцо охраны...

В октябре 1983 года Беляев получает секретную телеграмму: член политбюро ЦК КПСС Гейдар Алиев направляется спецрейсом на конференцию в Йемен. Вместе с ним летит первая женщина-космонавт планеты Валентина Терешкова. От советского посольства в Пакистане требовалось обеспечить самолету безопасный пролет через эту страну.

Телеграмма пришла в семь часов вечера, когда все высшие военные и гражданские чины Пакистана уже разъехались по домам. Складывалась чрезвычайная ситуация: Москва рейс не отменила, а

Чрезвычайный и полномочный
посол СССР В. Г. Беляев

пакистанские ПВО могли запросто сбить советский самолет, который к тому времени уже приземлился в Ташкенте на дозаправку.

И тогда Беляев позвонил личному адъютанту президента Зия-уль-Хака.

Было два часа ночи. Естественно, адъютант ответил, что президент уже совершил вечерний намаз и отдыхает. Нарушить покой главы государства он не может.

После этого разговора Беляев вместе с коллегами испытал шок. Они сидели молча, с минуты на минуту ожидая сообщения о том, что на территории Пакистана сбит советский самолет с членом политбюро и легендарной Терешковой на борту... И тут позвонил тот самый адъютант. «Господин Беляев, – сказал он, – президент в виде исключения дает добро на пролет вашего самолета через воздушное пространство Пакистана».

Через несколько дней после этого у Владимира Георгиевича случился инфаркт. А после болезни он получил новое назначение. В ноябре 1984 года Беляев вручил верительные грамоты чрезвычайного и полномочного посла Советского Союза президенту Народной Республики Бангладеш Мохаммаду Эршаду.

Ко времени прибытия Владимира Георгиевича в Дакку (столица Бангладеш) отношения между нашими странами были достаточно напряженными. Президент Эршад занимал жесткую позицию в «афганском вопросе» и вместе с рядом руководителей других мусульманских стран настаивал на выводе

советских войск из Афганистана, осуждая «советскую агрессию». Бангладеш стал одним из инициаторов постановки «афганского вопроса» в ООН. Естественно, что советское посольство пыталось вмешаться в этот процесс. В ответ президент Эршад выслал из страны большое количество советских дипломатов по обвинению «во вмешательстве во внутренние дела Бангладеш».

Перед новым послом Беляевым стояла сложная задача: в непростых условиях постараться наладить отношения между странами. И за четыре года, которые он провел в Дакке, ему многое удалось: начали активно развиваться торгово-экономические отношения, была достигнута договоренность об оказании помощи советскими специалистами в развитии энергосистемы Бангладеш – в частности, в строительстве гидроэлектростанции «Горозал»...

Уже в самом конце своего пребывания в Бангладеш Беляев начал переговоры с Эршадом об официальном визите того в Москву. Было получено согласие, однако поездка так и не состоялась уже по независящим от Владимира Георгиевича причинам.

14 октября 1988 года он был отозван в Москву и вскоре отправлен на пенсию.

Мир менялся, заканчивалась «холодная война», и в МИДе нужны были новые люди. А Беляев, при всех своих заслугах, оставался дипломатом старой советской школы, рассматривающей межгосударственные отношения с классовых позиций.

Свою отставку Владимир Георгиевич принял с обидой. Злость на Горбачева, Яковлева и других «прорабов перестройки» в нем бурлила до конца жизни, периодически изливаясь на страницы одной из газет «Завтра».

Его старость, так же как и молодость, была наполнена активной общественной работой. Владимир Георгиевич был вице-президентом Общества дружбы и сотрудничества «Россия – Бангладеш», членом ветеранских организаций МИД России и 84-й гвардейской Карачевской стрелковой дивизии, членом Совета ветеранов войны и труда муниципального района Дорогомилово города Москвы...

Умер он 12 февраля 2016 года, успев отпраздновать свое девяностолетие. Незадолго до смерти в одном из интервью, подводя итог жизни, он признался: «Человек – не робот. В определенных ситуациях, а на войне тем более, чувство страха присуще и солдату, и генералу. Однако есть более сильное и глубокое чувство – чувство долга, патриотизма, осознания необходимости защитить, спасти своих родных и близких от большой беды. И это всегда помогало мне преодолевать страх, делать свое солдатское дело...»